

Цзян Чуан принял у Чаннина шляпу с вуалью и бережно опустил её на голову Вэнь Цзюэ. Если оставить лицо открытым, его красота и без того будет притягивать взгляды, а незрячие глаза неизбежно вызовут ещё и пересуды.

Неважно, будут ли люди смотреть с любопытством или искренне сожалеть о его слепоте — для Вэнь Цзюэ любой такой взгляд становился незримой иглой. Вне дома надёжнее было скрываться под вуалью.

Цзян Чуан двигался мягко: сначала расправил спутанные пряди, затем уже накрыл голову супруга. Лёгкая кисея опустилась до самых плеч, и когда порыв ветра приподнимал белую ткань, из-под неё на миг показывалась нижняя половина лица Вэнь Цзюэ.

Мгновенная вспышка — и уже нестерпимо хочется заглянуть глубже, но страшно потревожить: он, казалось, сошёл с небес, и к нему нельзя прикасаться.

Надев на Вэнь Цзюэ шляпу, Цзян Чуан долго молча разглядывал его.

Тот всё не произносил ни звука, и Вэнь Цзюэ сделалось не по себе. Неужто Цзян Чуан всё ещё злится из-за того, что его перепутали с чужим человеком?

Обычно при нём Цзян Чуан был на редкость разговорчив, и столь затянувшееся молчание пугало. Похоже, он и впрямь сердится.

Сердится — и к тому же по его вине. Придётся умасливать.

Цзян Чуан уже взял его за руку, собираясь вести вниз по лестнице, как вдруг чужая ладонь легко легла на его предплечье, скользнула ниже, к запястью, и сама переплела их пальцы.

— Я был неправ, — искренне покаялся Вэнь Цзюэ. — Не следовало принимать другого за тебя! Я виноват.

Цзян Чуан едва заметно приподнял брови, уголки губ предательски поползли вверх — его мгновенно отпустило! На душе полегчало!

Но он сдерживался, желая дослушать, как супруг будет заискивать и вымаливать прощение.

Впрочем, Вэнь Цзюэ не удержался и пожаловался:

— Я лишь хотел сам дойти до тебя, без подсказок Чаннина, положиться на чутьё... но переоценил себя... Прощу, зная, что я слеп, не сердись на меня. Супруг мой~

Последние слова тяжёлым молотом обрушились на сердце Цзян Чуана — так больно, что улыбка застыла на его лице. Пальцы сжались, и он до хруста стиснул ладонь Вэнь Цзюэ.

Эта фраза словно слилась с той, что Вэнь Цзюэ произнёс на краю гибели в прошлой жизни. От нахлынувшей боли у Цзян Чуана зашумело в ушах.

— Что случилось? — спросил Вэнь Цзюэ.

Неужели его оправдания лишь сильнее разозлили Цзян Чуана?

Пока Вэнь Цзюэ терзался догадками, муж вдруг стиснул его в объятиях — так крепко, что перехватило дыхание.

Вэнь Цзюэ не понимал. Дыхание Цзян Чуана сбилось, тело дрожало. Почему?

Встревожившись, он поднял руку и легонько похлопал его по спине:

— Юньчуань, что произошло?

Цзян Чуан прижимал его к себе, не размыкая рук. Немного придя в себя, он покачал головой и ответил охрипшим голосом:

— Ничего... ещё ничего не случилось. Да, мы ещё успеем.

Вэнь Цзюэ не понял его слов, но мысленно их отметил.

Цзян Чуан наконец выпустил его, однако не удержался и легонько поцеловал супруга в щёку — прямо сквозь тонкую вуаль.

Чаннин стоял в стороне и вбирал в себя каждую странность Цзян Чуана. С этим человеком явно что-то неладно. Надо при случае доложить Его Высочеству.

*

Они спустились вниз и уже пересекали общий зал, когда наткнулись на компанию учёных мужей, с жаром обсуждавших положение дел при дворе.

Такие вот недоучившиеся книжники обожали собираться в книжных лавках и рассуждать о судьбах мира, мня себя самыми прозорливыми людьми, которым не везло с судьбой и чьи таланты остались невостребованными.

Нынешний двор почитал учёность, нравы царили вольные, учёные мужи осмелели и говорили всё, что вздумается, без малейшей оглядки. Пока они не поносили прилюдно императорскую семью, с них обычно не спрашивали. Зато небылицы о царствующем доме они плели одна другой нелепее.

И надо же было Цзян Чуану с Вэнь Цзюэ услышать небылицу о самих себе.

— До чего же горькая судьба у пятого принца! С младенчества слеп, а теперь его ещё и выдают замуж за мужчину, заставляя стелиться под мужиком!

Цзян Чуан и Вэнь Цзюэ, уже шагавшие к выходу, замерли. Генерал обернулся: говоривший был облачён в холщовое платье.

Его собеседник пренебрежительно покачал головой:

— А вот тут ты не знаешь! Говорят, этого брака пятый принц сам выпросил!

— Да как же... пятый принц — мужчина! С чего бы ему хотеть стать женой мужчины? Пусть даже это генерал Цзян!

Холщовый учёный с загадочным видом покачал головой:

— Эх, друг Хэ, тут ты не ведаешь всей подноготной. Пятый принц с детства был нелюбим, слеп, при дворе над ним только и издевались. Не будь у него единоутробной сестры-принцессы, обласканной государем, он бы, глядишь, однажды тихо помер где-нибудь во дворце! Но принцессе рано или поздно выходить замуж. А когда она уйдёт из дворца — кто защитит его?

Холщовый учёный засомневался:

— И какое это имеет отношение к тому, что пятый принц сам выпросил брак?

— Самое прямое! Должен же пятый принц был найти себе опору! Такой, как он, — попросту калека! Вся жизнь насмарку. Какая благородная девица согласится выйти за такого? Называется принцем, а на деле хуже побочного сына из семьи сановника!

Цзян Чуан криво усмехнулся, выпустил руку Вэнь Цзюэ и уже шагнул было вперёд, чтобы пустить в ход кулаки, но в следующее мгновение супруг удержал его. Обернувшись, генерал увидел, как Вэнь Цзюэ едва заметно покачал головой.

— Не надо. Сначала дослушаем. Посмотрим, какова их цель.

Учёный с таинственным видом напускал туману неспроста — вокруг него уже собралась толпа любопытных посетителей. Кто устоит перед соблазном узнать дворцовые тайны?

Учёный продолжил:

— Лучшая опора, какую он мог себе подыскать, — это замужество за генерала Цзяна! Знал, что генерал человек честный и добрый, будет хорошо с ним обходиться. Вот и устроил сцену перед государем — настырно, беззастенчиво требовал выдать его за генерала Цзяна!

Кто-то из посетителей не выдержал:

— И откуда в пятом принце столько бессовестности? Брать мужчину в супруги — обычай простолудинов, но в императорской семье не бывало ни того, чтобы мужчину выдавали замуж, ни того, чтобы брали мужчину в жёны! Разве это не позорит императорский род?

— Да ещё и генерала Цзяна оставляет без потомства! Какая мерзость!

Цзян Чуан больше не мог слушать. Он тихо попросил Вэнь Цзюэ:

— Чжией, иди пока в карету. Я разберусь с этими болванами и вернусь.

Вэнь Цзюэ лишь тихо рассмеялся и принялся успокаивать мужа:

— Я не сержусь. Просто кто-то хочет использовать чужие языки, чтобы облить меня грязью. Нельзя же не вытащить на свет того, кто за этим стоит?

Цзян Чуан в бешенстве скрипнул зубами:

— Вот выясним, кто за этим стоит, — заставлю его на коленях молить о прощении и собственноручно надавать ему пощёчин!

Вэнь Цзюэ улыбнулся под вуалью. На коленях? Пощёчины? Для него это слишком мягкое наказание. Чтобы искупить вину, лучше всего расплатиться собственной головой.

Но эти мысли следовало запрятать поглубже. Если рассказать о них Цзян Чуану, тот вряд ли примет его змеиное, ядовитое нутро.

Всё, что нравится сейчас Цзян Чуану, — лишь обличье: нежное, кроткое, пленительное. Узнай он, каков Вэнь Цзюэ на самом деле, — стал бы держаться подальше.

Кто-то спросил:

— Говорят, пятый принц красоты необычайной. Пусть слеп, но первый красавец столицы. Может, генерал Цзян и рад променять потомство на такую красоту?

На этот раз в голосе Цзян Чуана слышалась усмешка:

— Наконец-то кто-то сказал дело. Только, Чжияй, я рад этому не из-за одной лишь красоты.

Вэнь Цзюэ промолчал.

За плотной вуалью Цзян Чуан не видел его лица и решил, что тот просто засмущался.

Учёный снова фыркнул:

— «Красоты необычайной»? Ха! А помните, лет двадцать с лишним назад одна ослепительная красавица вошла во дворец? И чем всё кончилось? Поблекла красота — остыла любовь, разбился жемчуг, увял нефрит, развеялся аромат! Как бы ни была хороша, со временем приедается!

— Вы, сударь, случайно не о супруге Чэнь? Родной матери пятого принца?

При этих словах зал загудел.

Сердце Вэнь Цзюэ упало. Началось. Так и есть.

<http://bllate.org/book/20326/2029327>